

УДК 94 (477.75) «1941/1945»

О. В. Романько

**ОРГАНИЗАЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ (1941-1945):
К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье рассматривается история создания и деятельности организаций крымскотатарской эмиграции на территории Германии за период с 1941 по 1945 г.; анализируется роль Крымскотатарского национального центра в «восточной» и исламской политике нацистского военно-политического руководства.

Ключевые слова: крымскотатарская эмиграция, коллаборационизм, нацистская Германия, Вторая мировая война.

Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало значительное оживление в кругах антисоветской эмиграции. Многие ее представители надеялись, что нацисты, разгромив большевиков, поделятся с ними своей властью на оккупированных территориях. Тем не менее, действительность оказалась намного сложнее, чем думали эмигранты. Крымскотатарское национальное движение зарубежом также не осталось в стороне от этих процессов. Его лидеры попытались создать свои политические организации, которые планировались в качестве инструмента в борьбе за влияние на немецкую «восточную» политику. Их история имеет много схожего с историей аналогичных организаций других национальных групп антисоветской эмиграции. Но, одновременно, именно сотрудничество крымскотатарских эмигрантов с военно-политическим руководством Третьего рейха как в капле воды отразило все противоречия его «восточной» политики, в частности, – по отношению к такому явлению,

как коллаборационизм. Наконец, это сотрудничество интересно с точки зрения использования исламского фактора во внешней политике нацистов. В этом состоит актуальность указанной проблемы. Однако история взаимоотношений крымскотатарской эмиграции с германским военно-политическим руководством до сих пор не нашла своего отражения в историографии. Цель данной статьи - показать полную картину этого сотрудничества.

После окончания гражданской войны в России некоторая часть крымскотатарских политиков была вынуждена отправиться в эмиграцию. Они осели в Польше, Румынии и Турции, где продолжили заниматься политической деятельностью, которая протекала очень вяло даже по сравнению с другими национальными группами эмиграции. Единственной акцией, в которой участвовали лидеры крымскотатарского национального движения, была деятельность так называемой организации «Прометей» (конец 1920-х – 1930-е

гг.). Это детище польской разведки объединяло в своих рядах представителей политической эмиграции нерусских народов России и занималось, в основном, пропагандой [1; 2].

Следует признать, что лидеры татарских националистов не были замешаны в связях с нацистами как до, так и после прихода к власти последних. Не сотрудничали они и с немецкой военной разведкой – Абвером, что тогда являлось нормой для многих эмигрантских политических деятелей. Более того, такой видный крымскотатарский националист, как проживавший в Турции Д. Сейдамет, был настроен даже явно антинацистски. А с началом Второй мировой войны его мнение только укрепилось. Немецкий историк П. фон Мюлен писал, что «симпатии Сейдамета были явно на стороне польского эмигрантского правительства в Лондоне, с которым он поддерживал тесные связи» [3, s. 119]. Нападение Германии на Советский Союз вызвало у Сейдамета двойственное чувство. С одной стороны, он продолжал оставаться на своей антинацистской позиции, с другой – вся политическая активность крымскотатарской эмиграции проходила явно с его молчаливого одобрения [4, л. 31].

А она началась довольно рано. Так, уже в октябре 1941 г. несколько крымскотатарских эмигрантов написали меморандум во Внешнеполитический отдел нацистской партии, руководителем которого являлся известный нацистский теоретик и министр по делам оккупированных восточных областей А. Розенберг. В этом меморандуме они, со ссылками на татарско-германское сотрудничество 1918 г., изложили свое видение будущего Крымского полуострова. Со временем он должен был стать союзным Третьему рейху татарским государством [3, s. 119].

В ноябре 1941 г. настроенный пронемецки турецкий генерал Х. Эркилет обратился с письмом к послу Германии в Турции

Ф. фон Папену, в котором просил дать въездную визу двум крымскотатарским политическим деятелям, проживавшим соответственно в Турции и Румынии – Э. Кырымалу (Шинкевичу), эмигранту из СССР и бывшему члену «Прометей», и М. Улькюсалу. В своем письме он так охарактеризовал их: «Это весьма надежные люди. Прошу послать их обоих в Крым и использовать там в общих германо-турецких интересах. Они не владеют немецким языком, но хорошо говорят по-русски». В декабре 1941 г. оба крымскотатарских политика прибыли в Берлин, где попытались вступить в переговоры с германскими властями. В ходе этих встреч они выразили пожелания по поводу судьбы Крыма (такие же, как и в вышеуказанном меморандуме) и попросили допустить их в лагерь военнопленных на территории южной Украины и Крыма, где содержались крымские татары. Разговоры о независимости Крыма немцы приняли к сведению. В просьбе же посетить лагеря они отказали, сославшись на карантин. Тем не менее, эта поездка в Берлин имела один важный результат: Кырымалу, пусть неофициально, удалось заложить основы для будущего представительства крымских татар в Германии [3, s. 119-121].

В начавшемся 1942 г. крымскотатарское представительство ожидали значительные изменения. Улькюсаль покинул своего коллегу и вернулся в Румынию. Поэтому Кырымалу срочно пришлось искать себе нового заместителя. Весной 1942 г. им стал еще один эмигрант – А. Сойсал. Кроме того, представительство выросло количественно: теперь в его составе было уже 12 человек. Стали более ясными и ближайшие цели, которые эта организация ставила перед собой, а именно:

- облегчение участи крымскотатарских военнопленных и «восточных рабочих», вывезенных в Германию;

- перемещение в Крым мусульманского населения из Литвы, Белоруссии и Румынии, с целью увеличить там процент татарского населения;

- установление связи с татарской общественностью на территории Крымского полуострова [3, s. 123].

Зная эти цели крымскотатарского представительства, немцы почти год запрещали его членам посещать полуостров. Первым, кто выступал против, был будущий генеральный комиссар Крыма А. Фрауэнфельд. Во-первых, его беспокоили политические амбиции берлинских эмигрантов. Во-вторых, ему явно не нравились их переселенческие планы (среди нацистского партийного руководства Фрауэнфельд был одним из главных сторонников будущей германизации полуострова). Однако, уже в июле 1942 г. он был вынужден сообщить Кырымалу, что признает его «организацию, как полномочное представительство крымских татар», но не более чем в сфере экономических и гуманитарных интересов. Следует сказать, что на позицию Фрауэнфельда повлиял профессор Г. фон Менде, который в министерстве Розенберга занимался тюркскими и кавказскими народами [3, s. 124].

В ноябре 1942 г. Кырымал получил, наконец, разрешение приехать в Крым. Целью его визита была встреча с представителями местной крымскотатарской общественности. Поэтому, уже 16 декабря берлинская делегация прибыла на полуостров и провела совместное заседание с членами Симферопольского мусульманского комитета – созданной год назад татарской общественной организации. Кырымал и его коллега А.-Х. Балич информировали актив комитета о работе представительства, и сообщили о полученном разрешении на переселение в Крым 25 тыс. татар. Причем, 600 из них, главным образом сельскохозяйственные и технические специалисты, были уже наняты и готовы к переезду. Руководство комитета высказало свое

полное одобрение деятельности берлинского представительства, признало его руководящую роль, и избрало в свой состав обоих докладчиков [5, bl. 1-2].

Это заседание было огромным успехом Кырымала. Теперь он мог с полным правом сказать немцам, что представляет не только эмигрантов, но и весь крымскотатарский народ. А поездка и ее результаты привели к тому, что теперь Министерство по делам оккупированных восточных областей *de jure* подтвердило то, что уже существовало фактически. Организация Кырымала была признана единственным представителем интересов крымскотатарского народа и стала теперь официально именоваться Крымскотатарский национальный центр (далее – Центр). Это произошло в январе 1943 г. А уже в ноябре того же года при министерстве Розенберга был создан специальный Крымскотатарский отдел (*Krimtataren Leitstelle*), во главе которого был поставлен д-р Р. Корнельсен. Его главной задачей являлось давать руководящие указания Кырымалу и его людям [6, bl. 1].

Лидеры Центра имели множество разнообразных проектов, поэтому они сразу же развернули активную деятельность. И первым совместным шагом Корнельсена и Кырымала стала их попытка избрать крымского муфтия. Следует сказать, что такой шаг не был случайным. Германское военно-политическое руководство, в целом, очень положительно относилось к исламу, стараясь сделать мусульман своими союзниками в борьбе против СССР и Англии. А на некоторых оккупированных территориях Советского Союза «исламский фактор» стал одним из инструментов германской национальной политики. Например, на Северном Кавказе и в Крыму местные оккупационные власти всячески способствовали его возрождению (открытие мечетей, помощь в подготовке духовенства и т.п.). Но одновременно оккупанты препятствовали избранию высшего

мусульманского духовенства – муфтиев. Причины такой политики были очевидны – нежелание создавать центр, который из духовного неминуемо стал бы политическим. Но, например, крымскотатарские националисты просто не желали этого замечать, что впоследствии и привело к такому негативному результату. После оккупации Крыма они стали поднимать перед немецкими властями вопрос об избрании муфтия. Первые два года войны просьбы националистов оставались без внимания. В октябре 1943 г. ситуация изменилась коренным образом: советская власть отошла от воинствующей антирелигиозной политики и разрешила избрать муфтия всех советских мусульман, резиденцией которого стал Ташкент. Первыми на это событие отреагировали в министерстве Розенберга. Руководитель крымскотатарского отдела Корнельсен и уже упоминавшийся фон Менде подготовили меморандум, в котором германскому военно-политическому руководству предлагалось предпринять следующие ответные шаги: «Чтобы более эффективно противостоять этой большевистской инициативе, которая, как показывают события, оказала огромное влияние на мусульманский мир, мы, со своей стороны должны делать все для активной борьбы с ней. Необходимо немедленно сделать ответный ход и показать, что выборы ташкентского муфтия являются нелегитимными, а сам он – не более чем марионетка в руках Москвы» [7, р. 268].

Наиболее же эффективной формой противодействия, как казалось авторам меморандума, мог быть только созыв конгресса высших духовных мусульманских лиц Крыма, Кавказа, Туркестана и Поволжья. После конгресса планировались выборы муфтия Крыма, которые, правда, предполагалось сделать не более чем фикцией, так как кандидат на этот пост был уже отобран Корнельсеном заранее. Новым духовным лидером крымских мусульман должен был стать видный крымскотатарский националист А.

Озенбашлы, который находился в тот момент на территории Румынии [8, bl. 1-6].

После доработки меморандум был передан на рассмотрение в Верховное командование сухопутных войск, в ведении которого находилась оккупационная администрация на территории Крыма. Проект был весьма заманчивым, однако армейское руководство решило его заблокировать. Уже одно упоминание Озенбашлы (его негативное отношение к сотрудничеству с немцами было тогда уже хорошо известно, и не только в Крыму) убедило немецких генералов в том, что будущий Муфтиат – это не более чем очередной центр для политической активности и интриг крымскотатарских националистов. Кроме того, Крым в этот период уже представлял собой «осажденную крепость», а создание на его территории мусульманского духовно-политического центра могло только обострить межнациональные отношения. Наконец, по мнению Командующего войсками Вермахта в Крыму генерал-полковника Э. Йёнеке, татары попросту «не заслуживали такой чести». В одном из его писем Розенбергу от 28 февраля 1944 г. он прямо указывал, что «создание какого-либо местного правительства только на мусульманской основе или воссоздание Муфтиата в Крыму являются неприемлемыми. Согласие же с таким мнением, означало бы полный разрыв со всей предыдущей политикой» [9, с. 316].

Естественно, что такой вердикт означал конец проекта по воссозданию крымского Муфтиата, даже несмотря на то, что разговоры о нем сотрудники Розенберга продолжали вести до осени 1944 г. Здесь можно добавить, что именно Кырымал уговаривал Озенбашлы принять сан муфтия. Для этого он специально летал в Бухарест, но так и не смог ничего сделать, чтобы убедить этого общественного деятеля встать на пронемецкие позиции [10, с. 98].

История с крымским Муфтиатом закончилась ничем, и ничего хорошего, кроме обострения отношений крымскотатарских националистов с германской военной администрацией на полуострове, не принесла. Однако сама борьба «за» Муфтиат или «против» него между ведомством Розенберга и Вермахтом была первой, но не единственной причиной такого обострения. Еще одна конфликтная ситуация возникла из-за действий Кырымала, направленных на спасение крымскотатарского националистического актива. Наступал 1944 г., все понимали, что рано или поздно Красная армия освободит полуостров. Поэтому, чтобы как-то приободрить местных коллаборационистов, Кырымал сообщил им, что после ухода Вермахта, все татары будут эвакуированы со всем своим имуществом. Это заявление он согласовал только с Корнельсеном, совершенно «забыв» поставить в известность другую заинтересованную сторону – штаб генерал-полковника Йёнеке. Реакция на такую оплошность последовала незамедлительно. Йёнеке обратился к своему непосредственному начальнику – командующему группы армий «А» - и попросил его довести до сведения подчиненных Розенберга следующую информацию: исключительно по всем вопросам эвакуации из Крыма необходимо обращаться только в военные инстанции. Запрашивать об этом следует, сохраняя, по возможности, строгую секретность, и не делать из этой чисто военной акции политического мероприятия [11, bl. 109-109rs].

Помимо общей неприязни руководства Вермахта к политической активности крымских татар, эту позицию Йёнеке также можно объяснить еще и тем, что в этот период он вынашивал планы по созданию местного крымского правительства. Кырымал же своим обращением заранее перечеркивал весь эффект от этого мероприятия. Тем не менее, в конце концов, ему удалось договориться об эвакуации 60 активистов, 20 из которых сразу стали

сотрудниками берлинского Крымскотатарского отдела. Еще около 2 тыс. (в основном, бойцы полицейских формирований) были вывезены морем после начала боев за полуостров [3, s. 125, 127].

К осени 1944 г. Кырымал остался единственным лидером крымскотатарского национального движения, которого признавала Германия. Однако фактически он уже никого не представлял: Крым был освобожден, а численность крымскотатарских добровольцев в германских вооруженных силах и «восточных рабочих» на территории Германии измерялась несколькими тысячами человек. Но даже в таких условиях, ключевым пунктом программы Кырымала была полная независимость полуострова. Эта позиция привела его в ноябре 1944 г. к конфликту с движением генерала А. Власова. В результате, члены крымскотатарского Центра отказались присоединиться к Комитету освобождения народов России, который возглавлял этот бывший советский генерал [12, bl. 131].

Находясь в Германии, Кырымал стал активно пропагандировать идею так называемого «тюркского единства». То есть, крымские татары не только должны были получить свободу и независимость, но еще и ощутить себя частью «единого тюркского мира». С такими идеями Кырымал неоднократно выступал на страницах своей новой газеты *“Kirim”*, первый номер которой вышел в Берлине 25 ноября 1944 г. [13, bl. 1].

Не имея значительных человеческих ресурсов, Центр, тем не менее, принимал участие в военных усилиях нацистской Германии на заключительном этапе войны. Так, его сотрудники оказывали помощь при создании боевой группы «Крым» Восточно-тюркского соединения войск СС – добровольческого формирования, организованного из представителей мусульманских народов

Советского Союза. Главным образом эта помощь заключалась в пропагандистской подготовке личного состава соединения. К началу 1945 г., по словам Кырымала, на всех командных должностях боевой группы «Крым» находился исключительно «татарский офицерский корпус» [10, с. 137].

Наконец, 17 марта 1945 г. Розенберг сделал от имени правительства Третьего Рейха официальное заявление, в котором крымскотатарский Центр признавался «единственным политическим и дипломатическим представителем крымскотатарского народа». Его председателем по-прежнему оставался Кырымал, а вот состав полностью обновлялся: теперь его 12 членов должны были представлять все общественные слои крымскотатарского народа. Обновленный Центр начал свою официальную деятельность в апреле 1945 г. Первым его шагом было заявление о том, что главной политической целью этой организации является борьба за национальное и политическое освобождение крымских татар. Но, как признает даже сам Кырымал, в условиях военного поражения Германии «перспективы этой борьбы были весьма сомнительны». А само признание оказалось обычной фикцией [9, с. 322].

Запоздалое политическое признание Центра является главным итогом сотрудничества крымскотатарского национального движения с руководством Третьего рейха. Однако, итог этот следует признать явно малоутешительным. С точки зрения исламской политики нацистов, их благосклонного отношения к тюркским народам,

а также в свете русофобских концепций Розенберга, его лидеры вполне могли рассчитывать на большее. Тем не менее, вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с национальным движением крымских татар свидетельствует о том, что оно не рассматривало их в качестве равноправного союзника. И мусульманские комитеты на территории полуострова, и Центр на территории Германии были нужны немцам, прежде всего, как инструмент оккупации, национальной политики или пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу татарского населения (и нетатарского тоже) в тех или иных целях. Еще одной стороной существования организаций крымскотатарской эмиграции было их незавидное положение «разменной монеты» в борьбе полномочий между различными властными структурами Третьего рейха. Наконец, немаловажна роль этих организаций как политического противовеса так называемому Русскому освободительному движению генерала Власова, претендовавшему на лидерство во всем антисталинском протесте. Естественно, что в такой ситуации все надежды лидеров крымскотатарской эмиграции на создание независимого государства и его неотъемлемых атрибутов (парламент, правительство, армия и т.п.) оказались весьма призрачны, а крымскотатарский народ заплатил очень высокую цену за политическую недалекость и просчеты своей элиты.

Источники и литература

1. Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм / Л.Ф. Соцков. – М., 2003.
2. Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского / Т.М. Симонова // Военно-исторический журнал. – 2001. – №11. – С. 42-48.

3. Mühlen P. von. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg / P. von Mühlen. – Düsseldorf, 1971.
4. Государственный архив в Автономной Республике Крым, Симферополь, Украина. – Ф. П – 151. – Оп. 1. – Д. 388.
5. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BA-MA). – RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. – RH 20-17/713. – Major Gesandter von Hentig an den Oberbefehlshaber der Krim General Mattenklodt, Berlin, den 5. November 1942.
6. BA-MA. – RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. – RH 20-17/713. – Befehlshaber Krim, Abt. VII, Tgb. Nr. 240/43, St. Qu., den 1. April 1943, Betr. “Besuch der tatarischen Emigranten Kirimal und Balitsch”.
7. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945: A Study of occupation policies / A. Dallin. – London, 1957.
8. BA-MA. – RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. – RH 20-17/713. – Sprachendienst des Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Betr. “Die Frage der mohamedanischen Religionen in der Krim”.
9. Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917-1918 / E. Kirimal. – Emsdetten, 1952.
10. Романько О.В. Немецкий оккупационный режим на территории Крыма и национальный вопрос (1941-1944) / О.В. Романько. – Симферополь, 2009.
11. BA-MA. – RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. – RH 20-17/257.
12. BA-MA. – MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung). – MSg 149/7.
13. BA-MA. – RS 3-39. Ostmuselmanische SS-Division. – RS 3-39/1. – Den persönlichen Bestand der Redaktionen der Zeitung die „Krim”.

Анотація. У статті розглядається історія створення і діяльності організацій кримськотатарської еміграції на території Німеччини у період з 1941 по 1945 р.; аналізується роль Кримськотатарського національного центру в «східній» і ісламській політиці нацистського військово-політичного керівництва.

Ключові слова: Кримськотатарська еміграція, колабораціонізм, нацистська Німеччина, Друга світова війна.

Annotation. In the article history of creation and activity of organizations of Crimean Tatar emigration in territory of Germany in the period from 1941 till 1945 is considered; the role of

the Crimean Tatar national center in the «east» and Islam politics of Nazi military-political leadership is analysed.

Keywords: *Crimean Tatar emigration, Collaboration, Nazi Germany, Second World War.*